

169. Н. В. Сушкову

Гедеонов уехал; но вероятно, приехавши в Петербург, я увидав, что манускрипта Вашего там нет, напишет ко мне, чтоб прислать отсюда печатный экземпляр. Впрочем, если прикажете, то напишу ему сейчас, с настоятельной просьбой, чтоб не медля исполнил свое обещание¹. Между тем, может быть, найдете случай другим путем подвинуть здесь дело, и я остаюсь к Вашим услугам.

170. А. М. Гедеонову

Басманная. 22 сентября.

Вскоре после последнего свидания нашего, любезнейший Александр Михайлович, просил меня Сушкова уведомить тебя, что манускрипт его был ему возвращен, следовательно, в дирекции не находится, и поручил мне доставить тебе печатный экземпляр своей комедии. Между тем узнаю, что тебя в Москве уже нет. Хотя и уверен, что обещание свое честно исполнишь, то есть и без того дашь этому делу надлежащий ход, однако ж все-таки прошу тебя покорнейше уведомить меня, что по приезде твоём в Петербург на этот счет учинено, и нужно ли мне отправить комедию Сушкова к тебе или здесь представить в дирекцию? Впрочем, совершенно полагаясь на твою обязательную дружбу, очень рад случаю выразить тебе свою искреннюю признательность за прежние и обещанные милости.

Душевно преданный тебе Петр Чаадаев.

171. Е. А. Долгоруковой

Басманная, 22 января
(2 марта)

Да, сударыня, *давайте избегать бурных вопросов*, давайте даже избегать, если это возможно, любого серьезного обсуждения. Будемте жить, как наши блаженной памяти предки, в молчании умственном и словесном. Но что же я говорил? Что, по-моему, слова Божьи: «*Царство мое не от мира сего*»¹, были плохо поняты, что смысл, слишком часто им приписываемый, отнюдь не соответствует просьбе, обращаемой нами к Богу в Отче наш, где

мы молим его, чтобы *воля его была и на земле, как на небе*²: что поэтому нам не следует ставить в укор римской церкви то, что она не встретила препятствий в своих усилиях обеспечить своему великому главе престиж или опору светского скипетра. Заметьте, что спор о светской власти <римских> пап был начат отнюдь не греческой церковью, а новейшими протестантами, детьми XVIII века и предшественниками сегодняшних мудрецов. Это они первыми открыли, что Иисус Христос подразумевал в этих словах небо, что царствие Божие, как и его Церковь, есть царствие невидимое, что Бог желает править лишь в сердцах людских и прочее в том же роде. Греческие отцы <церкви> на Флорентийском соборе³ ничего подобного не говорили. Их главным образом занимали знаменитые слова *filioque* (в символе веры)⁴, это роковое преувеличение христианского чувства, которое приписывает Иисусу Христу заслугу, ему не принадлежащую. Что касается папы, оспаривалось его первенство, а не его главенство, которое все находили вполне естественным, потому что все находили его вполне полезным, и более, чем кто бы то ни было, блистательный гость Евгения IV, *православный император*, приехавший в Италию, чтобы молить его о помощи против турок, разбивших лагерь у ворот Византии. Царствие Божие, несомненно, устроено совсем по-другому, чем те, которые существуют в этом мире, особенно по сравнению с некоторыми из этих царств, и конечно именно это Иисус Христос и хотел сказать; для того, чтобы способствовать его установлению на земле, папы должны были действовать отнюдь не как земные цари, а как духовные вожди христианства, как живое выражение церковного единства, как иерархический символ религиозного начала, царящего над всеми другими принципами этого мира; даже не как преемники апостолов, не как наместники Иисуса Христа правят они <папы> в городе Цезарей, а просто потому, что история того захотела в интересах церкви, общества, цивилизации. Это, возможно, ошибка со стороны истории, но, однако, ошибка не без определенной правдоподобности, которая, верю, не вызовет сочувствующей улыбки у умов серьезных, знакомых как с летописями народов Запада, так и с летописями нашей страны. Я знаю, что именно в этом заключается точка зрения, которую газетируют гуманной; но, признаюсь, я никак не

могу представить себе, как иная точка зрения сумела бы найти воплощение в этом мире, если бы в средние века общество вдруг разрушилось,— что церковь более духовная, более покорная властителям земли, более, наконец, совершенная, возможно, и не смогла бы предотвратить.

Слишком часто забывают о задаче, стоявшей перед христианством на Западе, о силах, с которыми ему надо было там бороться. Не замечают, что не догмат и не честолюбие некоторых старых священников построили там церковь, а настоятельная потребность целого нарождавшегося мира, победоносных племен, которые воцарились на дымящихся развалинах мира, и самих этих руин, все еще всемогущих своим пеплом и прахом; что даже если *«церковь устроилась там как царство мира сего»*⁵, это было потому, что она не могла поступить по-другому, это было потому, что ее великим призванием в этом полушарии христианского мира было спасение общества, которому угрожало варварство, подобно тому, как в другом (полушарии) ее великим призванием было спасти догмат, которому угрожало губительное дуновение с Востока и изощренный ум греков; что папа не отправился в Aix-la-Chapelle *, чтобы возложить императорскую корону на голову Карла Великого, но что последний прибыл в Рим, чтобы получить ее из его рук⁶; наконец, что отнюдь не папство создало историю Запада, как, похоже, считает наш друг Тютчев, но что, напротив, именно история создала папство.

Благословим же небо за то, что оно поставило восточную церковь в самые благоприятные в мире условия для того, чтобы жить в христианском смирении и его проповедовать, но не будем слишком строго обвинять западную церковь в честолюбии, ибо кто знает, что стало бы с восточной, окажись она в подобных условиях: возьмите пример нашего знаменитого Никона⁷.

Те, кто считают светскую власть несовместимой с духовными обязанностями священнослужителя, хорошо бы, по-моему, сделали, если бы смогли доказать нам это по-другому, чем без конца повторяя нам слова Иисуса Христа, но не учитывая мысли, выраженной в них и не пытаясь согласовать их с прочими высказываниями Писания,

* Нынешний Аахен, излюбленная резиденция Карла Великого.

в которых идея царства божия выражена более точно. Более того, как вы знаете, эту несовместимость так мало чувствовали в прошлом, что папы были далеко не единственными самодержавными монархами, носившими и митру, и корону. И вот странная вещь! Сегодня иная церковь представляет нам зрелище странное духовного лица, имеющего власть над племенем диких воинов, и тем не менее даже самые пылкие защитники отделения церкви от светской власти не оскорбляются этим. Более того, именно из рук самой священной коллегии, славной наследницы тех великолепных патриархов, чья причудливая великодержавная деятельность построила дух, престол, исчезнувший уже на следующий день⁸, — из рук одного из блистательных светил восточной церкви, получил воинственный прелат священный сан и драгоценное облачение, отличительный знак своего достоинства⁹. Факт этот, взятый сам по себе, действительно является, как вы с основанием заметили, исключением в лоне этой церкви, но, к несчастью, исключением, которое объясняется чувством удовлетворенности, не имеющим с ее стороны серьезного основания и заставляющим сомневаться в том, что человечество, как и сама эта церковь, когда-нибудь от этого факта выиграют.

Светская власть римских первосвященников в основе своей есть не что иное, как историческое следствие, с которым они сначала мирились, которое они потом приняли, которым они, следуя вечным законам человеческой природы, затем злоупотребляли, но которое ничего общего не имеет с самим принципом римской церкви и за которое история несет полную ответственность: эта власть лишь одеяние, в которое облачено их духовное первенство, одеяние, которое сочли необходимым самые значительные и благочестивые умы Запада, и вообще весь Запад, для сохранения высшей власти наследников св. Петра и влияния, которое им было суждено иметь в мире¹⁰.

Наконец, очевидно, что точка зрения, которую вы защищаете и против которой мы боремся, есть точка зрения протестантов, а отнюдь не греческой церкви, которая вполне равнодушна к этому вопросу. Бури, поднятые этим вопросом, не там бушуют. Но вот, что могло бы их действительно вызвать, если *нежному ветерку*, нас обдувающему, не было бы суждено хранить на нашем небе,

как и в наших сердцах, очаровательный и вечный покой. Например, если предположить, что мы видим в самих словах спасителя противоречие, тогда как, напротив, с болью утверждаем, что они истолкованы превратно; если отвергнуть все правила свободного, открытого, доброжелательного обсуждения; если в каком-то отношении неправильно понимать самый дух нашей церкви, столь терпимой ко всем мнениям, которые не нападают прямо на божественный догмат, попечительство над которым ей вручено; наконец, если стремиться быть более православным, чем сама православная церковь.

Вот что, без сомнения, могло бы наполнить спор раздражением, перенести его на ту нечистую почву личностей, грязь которой не преминет испачкать несчастных, позволяющих себе в ней завязнуть: что, к сожалению, слишком часто является следствием нашей непривычки к серьезным дискуссиям, жертвами которой, надеюсь, сударыня, ни вы, ни я никогда не станем.

Если хотите, ошибка того же рода, и, добавлю, ошибка, роковые последствия которой ни один народ не смог бы оценить лучше, чем наш, ибо именно потому, что мы в нее не впали, мы имеем возможность воспользоваться благами, которых остальные христианские народы лишены; но ошибка тем не менее вполне прощительная, поскольку из-за нее мы получили возможность обрести массу полезных знаний, сохраненных благодаря ей, и даже, в какой-то степени, знаний, ею порожденных, которые человечество получило от народов, в ней пребывавших.

Отметим мимоходом, что эти народы находились далеко не в тех логических условиях, что народы античности, которые придумали гуманитарные науки (*science humaine*). Эти последние не знали истины: современные народы Запада, напротив, ее не признают, отвергая существенную ее часть, быть может, самую существенную, согласно которой устроено христианское общество, то есть та среда, где идея христианства должна найти свое воплощение и достичь расцвета. Роковое ослепление, которое должно было неизбежно исказить разум и обессилить его. К счастью, на деле было не так: слепота не привела их к полному бесплодию. Милосердное небо позволило этим ослепленным племенам узреть некоторые истины, несомненно на благо другим, менее грешным племенам. Пусть благо-

словенные народы, обладатели истины в последней инстанции, сохраняют, как и их заблудшие братья, всю энергию, всю деятельность своего разума и в один прекрасный день сторицей воздадут этим последним знания, полученные от них!

172. *Е. А. Долгоруковой*

Басманная, 6 октября 1850 г.

Полагаю, сударыня, что теперь вы уже прочитали возражение г-на де Ларошжаклена¹, о котором я вам как-то говорил. Это произведение, сказал я, по-моему, представляет особый интерес для нас, русских, и затрагивает вопросы, которые мы часто обсуждаем между собой. А теперь позвольте мне изложить вам размышления, которые оно у меня вызвало. Предупреждаю, что мы вступим на раскаленную почву, но, надеюсь, нам удастся пройти по ней и не прожечь башмаков.

Г-н де Ларошжаклен опирается на известное высказывание Массильона. Приведу это высказывание целиком: его стоит перечитать в том виде, в каком его слышали из уст сего христианского оратора. Вот какими словами изъяснялся скромный клермонский епископ в Версале, в присутствии преемника Людовика XIV, того самого короля, который сказал: «Государство — это я»:

«Но, государь, властелин, великий мира сего существует не только для себя самого, он имеет обязательства перед своими подданными. Народы, возвысив его, доверили ему власть и получили право на его заботу, время и бдение. Ведь это народы целиком и полностью создали королей. Да, спр, именно по выбору народному скипетр оказался в руках Ваших предков. Это народ вознес их на щит и провозгласил государями».

«Королевство переходило впоследствии по наследству их преемникам, — так повелось искони и по добровольному согласию нации. Они занимали трон благодаря самому своему появлению на свет, но первоначально врожденная эта прерогатива была им присвоена с согласия общества. Одним словом, поскольку у истоков королевской власти стоим мы, короли должны ею пользоваться лишь в наших интересах»².